

Лимонов Эд.
(Савенко).

3/5-90

Это я — Эдичка!

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Да, он один из тех писателей, который покинул нашу страну в застойный период, вернее, ему «помогли» переселиться в парижскую мансарду. По его словам, сделали это ненавязчиво и без лишней волокиты. Сказали: «А уехать вы не хотите? Если да, то проблем не будет». И не было!

А что же было? Немного, наверное, если читателю «Комсомолки» (уверены) даже незнакомо его имя — Эдуард Савенко (Лимонов). Знатоки, конечно, скажут: как же, Лимонов — имя известное! Знатокам, может, известно... Волнует тут одна вещь: почему весь мир читает наших писателей, а мы — нет?! Поэтому поймите наше искреннее желание побывать на очередной традиционной встрече писателей со всего света в Белграде и «пробыться» к Лимонову. Пробыться оказалось совсем несложно. Только Эдуард узнал, что мы из «Комсомолки», сразу сказал: «Отвечу на любой вопрос».

Итак, кто такой Эдуард Савенко, которого весь мир в основном знает под фамилией Лимонов? Родился в Дзержинске, в 1943 году. Переехал в Харьков, где в семнадцать лет пошел работать на завод «Серп и молот».

— Это не шутки, — добавляет Эдуард. — Я вкалывал, а не сидел в канцелярии, перебирая бумаги. Потом работал монтажником-высотником. Строил ганковый цех. Не буду перечислять все виды своей деятельности, но когда мне надоело работать на хозяина, то я стал портным, начал шить брюки.

Этот факт, как видно, Эдуард вспоминает с удовольствием. По крайней мере, когда шла пресс-конференция, то он не удержался, чтобы не показать свой костюм («Видите, подкладка разноцветная»), который сшил себе уже в Париже. Под аплодисменты кто-то из зала его спросил: «А шили ли вы брюки кому-нибудь из русских писателей?»

— Я шил художникам, журналистам. Помню, сшил брюки даже Булату Окуджаве, Эрнсту Неизвестному... Единственная публикация обо

мне в Советском Союзе появилась в «Литературной газете», где говорилось, что есть такой поэт, который еще и шьет брюки.

— Говорят, вы учились в Литературном институте?

— Я закончил восемь классов обычной школы — это все мое образование.

Потом Эдуард добавил:

— С восьмью классами тяжело в мире. Я изучил французский, английский, стал читать умные книги. Обещаю вам, — продолжил он в шутку, — что постараюсь и дальше вбирать в себя как можно больше мировой литературы.

— А кто из русских писателей больше всего повлиял на вас?

— Я всегда тяготел к писателям, книги которых держали где-то в углу книжного шкафа. На меня все повлияли понемногу, одного выделить не могу. Есть, например, такой прекрасный русский стилист Василий Розанов. Затем Хлебников, Бакунин, Константин Леонтьев, который незаслуженно забыт. Да, вот подсказывают, Гоголь! Для меня много значили его величественные «Мертвые души».

— Считаете ли вы себя русским писателем?

— Безусловно, я русский. Это глупо отрицать. Как говорил Гамбрович: «В итоге я поляк!» А я русский, хотя иногда и не хотел им быть. Например, в Нью-Йорке я хотел быть евреем. В Нью-Йорке быть евреем хорошо. Выгодно. Но, к сожалению, я был

и остался русским, советским писателем. С той разницей, что у меня есть шестнадцать лет опыта жизни на Западе.

— Как оттуда выглядит Россия?

— Это сложный вопрос. Я на Россию никогда не обижался. А выглядит она не умеющей себя подать, преподнести миру, показать лучшее и скрыть худшее. Все так делают. И многие добились в этом гигантского успеха. Например, Соединенные Штаты. Россия только сейчас, потихоньку, начинает себя преподносить. Желаю ей всяческих успехов!

Эдуард Лимонов, прожив семь лет в Москве, уехал в Америку. Американцы отнеслись к нему как к писателю весьма равнодушно. По крайней мере от своих литературных занятий он не получал практически ничего. Поэтому работал кем только можно. Был, к примеру, мажордомом у миллионера. И в это время встретился с Евгением Евтушенко.

— Вы помните тот случай?

— Да, мы встречались. И все тогда находилось в страшно неудобной ситуации. Больше всех было неудобно Евтушенко. Я обслуживал миллионера, а он был гостем этого самого миллионера. Они ужинали перед тем, как поехать в театр. Я помню, как подавал на серебре какую-то рыбу. В Советском Союзе официально нет слуг, и Евтушенко, когда увидел, как я несу рыбу, прислуживаю, почувствовал себя очень плохо. Так он чувствовал себя до тех пор, пока не выпил. А потом, уже в Париже, он пригласил меня в ночной клуб «Распутин». Там обычно сидят арабские шейхи, миллионеры и, как наши грузины, открывают ножом бутылки шампанского. Все это выглядит весьма экзотично, но на самом деле очень скучно.

— И все-таки, почему вы переехали из Америки во Францию?

— Американцы меня не хо-

тели, а французам, очевидно, такой писатель был нужен. Моим первым издателем был французский издатель. Я приехал в Париж для публикации первой книги. Заключил договор. Потом второй. И так, постепенно, остался: надо жить там, где тебе платят деньги, возле родного, так сказать, завода.

— Добились ли вы материального благополучия, стабильности?

— Если я скажу, что зарабатываю миллионы, то меня украдут после этого же вечера. Я не живу какой-то роскошной жизнью, не имею яхт, автомобилей, вилл. Живу сейчас от того, что зарабатываю в литературе. В Париже снимаю мансарду, все необходимое имею и ничего больше не желаю. Я профессиональный писатель, и это обстоятельство заставляет меня работать даже тогда, когда я этого, может, и не хочу.

— Насколько автобиографичны ваши вещи?

— Они автобиографичны почти все. Но я думаю, что для читателя это не имеет никакого значения: он вряд ли может это проверить.

В произведениях Эдуарда Лимонова можно встретить самые «грешные грехи» человека от гомосексуализма до садизма. Уже его первый роман «Это я, Эдичка» произвел шок на Западе, который шокировать, в общем-то, трудно. А написан этот роман был еще в 1974 году! Поэтому естествен наш вопрос: «Если бы вы остались в Советском Союзе, были бы ваши произведения такими же экстремистскими?»

— Нет, я не был бы таким, какой сейчас. Сформировался бы по-другому. Но я рад, что, как мне рассказывали, дети Солженицына читают Лимонова, запершись от отца в туалете.

— Для вас, как видно, не существует авторитетов. В своих произведениях вы критикуете многих гигантов — Толстого, того же Солжени-

цына. Для чего? Чтобы вызвать этот самый шок?

— Я считаю, что надо всегда нападать на величины. Я не против, чтобы и меня критиковали. Я отношусь к этому очень положительно. Критика заставляет думать, заставляет сомневаться в, казалось бы, ясных вещах, аксиомах.

— И молодых, начинающих писателей вы бы не пощадили?

— Никого!

— Встречаетесь ли вы с русскими писателями-эмигрантами?

— Время от времени. Каких-то особенных, близких связей нет. Встречаюсь не больше, чем с французскими, может, и меньше.

— Почему?

— Русские писатели за границей не любят друг друга, как и всякие писатели, которые пишут на одном языке. Они видят друг в друге конкурентов. С теми же французскими писателями у меня более здоровые отношения. Я работаю в парижском еженедельнике «Интернациональный идиот». Пишу для этого издания, название которого, по моему, отвечает всему ходу моей писательской карьеры, статьи раз в неделю на французском. С ними, сотрудниками «Идиота», в основном и общаюсь.

— Хотели бы вы вернуться на Родину?

— Невозможно вернуться в свое прошлое. Эти 16 лет западного опыта жизни, о которых я говорил, никуда не выбросишь. Я уже испорчен Западом. Поехать на Родину я бы, конечно, хотел. Съездить, потом вернуться. Это было бы нормально.

— Но вы верите в Россию? — Естественно! Это большой народ, он во всяком случае выживет. А как это произойдет, одному богу известно.

В. ХЛЫСТУН,
Г. ШВЕД,

Белград.